

О калмыцких названиях географических объектов¹

В настоящее время все более актуальным становится изучение топонимов, что объясняется не только своеобразием их функций, происхождения, но и значительной их информативностью при решении этнокультурных проблем. Топонимы, являясь продуктом народного сознания, отражают все стороны духовной и материальной жизни человека. В топонимах, как и в других проявлениях духовной культуры человека, а именно в фольклоре, обрядах, народных верованиях, отразились своеобразие народа, его менталитет. Они являются частью культурной среды народа, его мироощущения, миропонимания и мироконструирования. Изучение топонимов с точки зрения историко-культурного процесса является важным, поскольку они несут информацию, являющуюся объектом этнокультурного исследования. Актуальность исследования топонимов заключается еще и в том, что географические названия очень ярко отражают изменения в ментальности народа, поскольку они сопровождаются изменениями в процессе номинации топообъектов. Это можно продемонстрировать на примере известных фактов переименования в годы Советской власти, что свидетельствует об изменении мышления носителей топонимической системы, так как старый топонимический комплекс несет информацию о прошлом этих объектов и о событиях, связанных с ними.

Вхождение калмыков в состав Российской империи значительно повлияло на топонимию региона, наибольшее количество топонимов зафиксировано в основном в южной части России, в местах кочевания калмыков, также отмечается значительное количество топонимов калмыц-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 10-04-36402 а/ю и по проекту «Ойратский мир: география расселения народов и топонимика» подпрограммы «Анализ и моделирование геополитических, социальных и экономических процессов в полиэтничном макрорегионе» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез» (2009–2011 гг.).

кого происхождения и на Северном Кавказе. Топонимия ярко отражает эти многовековые языковые контакты и представляет собой целостную систему, функционирующую по особым правилам и характеризующуюся национально-специфическими особенностями. Топонимы являются ценнейшим историко-лингвистическим материалом, который в значительной мере отражает межкультурные контакты различных народов. Так, топонимы калмыцкого происхождения занимают обширную лингвистическую территорию, которая выходит далеко за рамки проживания этноса.

Данная статья посвящена изучению устаревших названий географических объектов, которые некогда использовались в калмыцком языке, однако в настоящее время в большинстве своем вышли из употребления, за редким исключением. Как отмечает В. Э. Очир-Гаряев, «миграция калмыков оказала огромное влияние на все стороны их жизни. В новых географических условиях и в иноязычном, иноэтническом окружении, калмыки вынуждены были осваивать местную номенклатуру личных имен и географических названий» [4, с. 183]. На основании топонимических исследований можно получить ценнейшие сведения о местах пребывания калмыков, о былом расселении народа, о перемещении отдельных этнических групп. Топонимика подчас дополняет далеко не полные и не безупречные документальные свидетельства о далеком прошлом.

Об этом свидетельствуют названия городов, произношение и написание которых адаптировались под нормы произношения калмыцкого языка, например: **Питер** Петербург [3, с. 13–15], **Пэйтер** ~ **Пэтэй буруг** Петербург [8, с. 176]; **Миску** Москва [3, с. 13–15], **Мэскүү** ~ **Москоу** Москва [8, с. 176]; **Хазын** Казань [3, с. 13–15], **Хазан** Казань [8, с. 176]; **Шарыту** Саратов [3, с. 13–15], **Шара тоу** Саратов [8, с. 176]; **Azuu** г. Азов [5, с. 161], **Азоу** Азов [8, с. 176], **Кизлаар** ~ **Хазалар** Кизляр [8, с. 176], **Solog** г. Кизляр [6, с. 155], **Xazalar** г. Кизляр [5, с. 182]; **Xamis** г. Камышин [3, с. 13–15; 6, с. 83], **Хамиш** Камышин [8, с. 176]; **Masdoу**, **Mosadaу**, **Musduу** Моздок [5, с. 182]; **Ayidarхан** г. Астрахань [6, с. 1], **Айидархан** ~ **Айидархан** Астрахань [8, с. 176], кстати, г. Астрахань у калмыков назывался и просто **Балгасн**, т. е. город, а также **Айдер-хан**, **Хайдар-хан**, **Хаджитархан** [3, с. 13–15]. Также другие названия населенных пунктов: **Sarabul** Ставрополь [6, с. 148]; **Simbir** Симбирск [6, с. 153], **Семперь** Симбирск; **Серкиш балгасын** Красный яр, т. е. черкесский город; **Ишкелень усунь** Кисловодск, **Халун усун** Пятигорск [3, с. 13–15], **Төмр хавх** Дербент [6, с. 200], **Яңгы кала** Черный яр, *тат.* новый город, **Ашо-уулык** Ашулук, **Тоболь** Тобольск, **Донбоу** Тамбов, **Самархала** Самара, **Бола таб** Полтава, **Боронаш** Воронеж [8, с. 176]. Интересно отметить, что калмыцкие названия Кисловодска и Пятигорска являются онимической калькой с русского

языка, **Ишкелень усунь** (кислая вода), и **Халун усун** (горячая вода), т. к. прежнее название города Пятигорск было Горячие воды, которое можно обнаружить, например, на Карте Кавказского края 1901 г. [2], калькой же, вероятно, является и **Төмр хавх** ‘железные ворота [двустворчатые]’ – название Дербента от *перс.* дер – дверь и бонд – преграда, *азерб.* Dərbənd, *авар.* и *таб.* Дербенд – «двое ворот», название связано с расположением города в узком проходе между Каспийским морем и предгорьями Кавказа [1, с. 313]. Также встречаются названия городов, находившихся за пределами Российской империи, например: **Парджа** Париж, **Хотун-Бухар** Хива-Бухара, П. Небольсин пишет, что калмыки не различают эти два города [3, с. 13–15], данное название, очевидно, является обобщенным, поскольку у А. Позднеева встречается отдельно ойконим Бухара – **buxāri** [6, с. 134].

Кроме того, что калмыки воспринимали уже устоявшиеся ойконимы, а также давали населенным пунктам собственные названия, как-то: **Ахаш** Царицын [8, с. 176], **Джигид** селение Селитряный городок, **Зягин бельчир** Гурьев городок, **Ордлигин цеке** Ашулуцкое займище, **Таки балгасын** Уральск, **Түмүн** Тюмень, **Хуучин модын өргө** Замьяновская станицы, **Ши** Тифлис, **Шины балгасын** Енотаевск, **Янж** Ставрополь на Волге, по имени владельца, **Ясын** Сероглазинская станицы [3, с. 13–15], **Üriyin aman** г. Перекоп, **Kermen** Черкесск [5, с. 168], **Сэркэш** Черкесск [8, с. 176], **Шине Кермен** Новочеркасск, **Хуучин Кермень** Старый Черкасск [3, с. 13–15].

Гидронимы также заимствовались и адаптировались под фонетику калмыцкого языка: **Kümü** р. Кума [5, с. 191], **Кюмё мөрн** р. Кума [3, с. 13–15], **Axtaba** Ахтуба [6, с. 12], **Ахтева** р. Ахтуба, **Embe yol** р. Эмба [6, с. 19], **Зен** р. Эмба, от кирг. Джем, **Iğis** р. Иртыш [6, с. 22], **Ргыш** р. Иртыш, **Кам** р. Кама, **Тен** или **Тин** р. Дон [3, с. 13–15], **Тең** р. Дон [5, с. 181], **Buzuу тең** р. Донец [6, с. 137], **xulus** р. Калаус [6, с. 103]. Однако использовали и уже устоявшиеся собственные названия: **Дала тенгис** Каспийское море, **Зэ мөрн** р. Урал [3, с. 13–15], **Zai** р. Урал [5, с. 186], а также сохранившийся и активно употребляемый в настоящее время гидроним **Ижил мөрн** р. Волга, это название встречается и среди тюркских народов, которое, очевидно, является общим для тюркских и монгольских народов, ср. тюрк. Итил, Идел – Волга [7, с. 110].

Также отмечены названия других водных объектов: оз. **Хара-Усун** (пресное озеро в Ахтубинском районе восточнее оз. Баскунчак), **Богдын хара нуур** оз. Баскунчак, **Чапчаачи** оз. Эльтон, **Мацьк** Мочаги [3, с. 13–15], **Манаса** Маныч, **Масау** Мочаги, **Jilton** оз. Эльтон [5, с. 183, 187].

Приведем примеры оронимов: **Хавын-ату** Круглинский остров, **Сеахын-модун** Новый остров на Ахтубе [3, с. 13–15], **Altai uula** Алтайские горы [6, с. 7], **Алта-алык-уула** Алтай, где алык ‘пестрый’, **Бумбань**

улан песчаная коса между двумя местностями, **Тавын уула** Пятигорье, **Серкишин уула** Кавказ, а также **Ар уул** Северный Кавказ, **Таки уула** Уральские горы [3, с. 13–15], **Xaram** Крым, **Xobon**, **Xobo** Кубань, **Xaburdu** Кабарда [5, с. 182].

Обширные географические знания не только местности кочевания, но и территорий, находящихся вдали от мест проживания калмыков, говорят о бурных исторических событиях, в которых принимали участие калмыки. Как пишет Сусеева Д. А., «эти и другие названия городов, встречающиеся в письмах калмыцких ханов и владельцев, говорят о том, что калмыки XVIII века уже хорошо освоили европейскую часть территории России, участвуя с русскими войсками в совместных походах, к примеру, против турок, шведов (в Крыму, на Кубани, в Прибалтике, под Полтавой и т. д.)» [8, с. 176–177].

Значительная группа калмыцких географических имен не отражена на географических картах и редко упоминаются в документах. В редких случаях их можно встретить на картах межевания и плане местности, в своем большинстве они встречаются в устной речи. В этом отношении изучение устаревших топонимов может оказать огромное влияние на этнокультурное сознание, которое способствует овладению национально-культурными ценностями, помогает решению проблем, связанных с культурной, языковой и социальной компетентностью, что чрезвычайно актуально для мирового социокультурного пространства. Острота проблемы связана с растущей глобализацией, резко возросшим числом мигрантов, интеграцией мирового сообщества во все более крупные блоки. В этой ситуации многочисленные этнические группы, представители разных национальностей и культур, со своими ценностями, традициями, нормами, менталитетом и образом жизни, вовлекаются в процессы взаимодействия и взаимообмена культур. В результате ситуация мультикультурализма неизбежно приводит к обратной реакции, а именно к тенденции сохранения и возрождения этнокультурного самосознания участников межкультурного диалога, к осознанию, освоению и ее реализации в современном мире, поскольку этнокультурная идентичность играет важную роль в диалоге культур. Этнокультурная компетенция предполагает усвоение как языковой, так и экстралингвистической информации, необходимой для достижения знаний об окружающей действительности, сведения о которой у носителей разных культур определяются различными факторами: историей, культурой, общественно-экономическим строем, политической системой и т. п.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большая Советская Энциклопедия. Т. 8. Изд. 3-е. М., 1972. 592 с.
2. Карта Кавказского края, с обозначением границ 1801–1813 г., составлена в Военно-историческом отделе при Штабе Кавказского военного округа подполковником Томкиевым. Тифлис, 1901 г.
3. Небольсин П. Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб., 1852. 194 с.
4. Очир-Гаряев В. Э. Метаморфозы собственных имен калмыков в условиях сибирской ссылки (1943–1956 гг.) // Репрессированные народы: упразднение их национальной государственности и проблемы реабилитации. Элиста, 1993. С. 134–136.
5. Письма наместника Калмыцкого ханства Убаши (XVIII в.). Факсимиле писем. Изд. текстов, введ., транслитер., пер. со старокалм. на современ. калм. яз., слов. Д. Б. Гедеевой / отв. ред. Э. У. Омакаева. Элиста, 2004. 196 с.
6. Позднеев А. Калмыцко-русский словарь, в пособие к изучению русского языка в калмыцких начальных школах / сост. А. Позднеев. СПб., 1911. 306 с.
7. Рассадин В. И. Тюркские элементы в языке «Сокровенного сказания» // Монгольский лингвистический сборник. М., 1992. С. 109–116.
8. Сусеева Д. А. Письма калмыцких ханов XVIII века и их современников (1713–1771 гг.). Избранное. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2009. 992 с.